

МИФОПОЭТИКА РАННИХ РАССКАЗОВ Т.Н. ТОЛСТОЙ

Мифопоэтика – одно из самых разрабатываемых направлений современного литературоведения. Поскольку мифологическое сознание глубоко заложено в природе человека, оно способно репродуцироваться в разных социально-культурных условиях и исторических эпохах, что подтверждается творчеством Т.Толстой, превалирующей характеристикой авторской поэтики которой можно считать мифологизм. Автор широко использует в своих рассказах принципы пространственных и временных описаний, когда современность представлена с позиции мифологического сознания, а также мифологические приемы, аллюзии на популярные персонажи и образы фольклора и классической литературы.

Ключевые слова: реализм, постмодернизм, мифопоэтика, голос автора, картина мира.

Творчество Татьяны Толстой находится в одном ряду с выразителями тенденции русской литературы, совмещающей определенные черты реализма, модернизма и постмодернизма. Об этом свидетельствует то, что многие ее образы и персонажи взяты из фольклора: в рассказе «На золотом крыльце сидели...» дядя Паша в глазах ребенка, от имени которого ведется повествование, – и царь Соломон, и заколдованный принц, распахивающий вход в пещеру Алладина; в «Свидании с птицей» к умирающему дедушке прилетает птица смерти Сирин, а птица Алконост несет волшебные яйца. В рассказе «Река Оккервиль» Петербург – город огромного, пучеглазого царя-плотника, догоняющего в ночных кошмарах с корабельным топориком своих перепуганных подданных.

Создавая собственную мифопоэтическую картину мира, Т.Толстая изображает героев подавленными обществом, не умеющими устроить и определить правильным разумным образом личную жизнь. Это и Симеонов

из рассказа «Река Оккервиль, и Алексей Петрович из «Ночи», Наташа из «Вышел месяц из тумана».

Для первого своего сборника рассказов, вышедшего в 1987 году, Т.Толстая выбрала в качестве эпиграфа и заголовка строку из детской считалки – «На золотом крыльце сидели...», что подтверждает приверженность писательницы к русскому фольклору. Как известно, одним из видов устного народного творчества являются считалки, возникновение которых связано с древним практическим обычаем распределения и закрепления функций между участниками трудового процесса или игры.

Знаменательно, что все рассказы данного сборника включают в себя поэтизацию смерти, метафоризацию ухода в иной мир, представленного Т.Толстой достаточно разнообразно: как естественный финал истощения биологических ресурсов человека, как спровоцированная болезнью преждевременная кончина, как насильственная – в виде убийства или гибели в форме суицида. Особое место занимают случаи, в которых мотив смерти реализован метафорически, в виде духовной деградации. Создается впечатление, что в каждом последующем рассказе сборника персонажи, словно по считалке, играют на выбывание из игры под названием «жизнь». Это мы наблюдаем и в «Петерсе», и в «Лимпопо», и в «Факире», и в «Соне».

Таким образом, заголовок сборника имеет несколько сопутствующих коннотационных оттенков, обладающих глубоким символическим подтекстом, настраивающих читателя на философское восприятие изображаемой художником реальности. Часто в рассказах Толстой смещены нравственные ориентиры и духовные ценности, также образована пропасть между высокими устремлениями человечества (мечтой) и возможностью их реализации (действительностью), как это мы видим в рассказах «Круг», «Река Оккервиль» или «Милая Шура».

Герои ранних рассказов Толстой – уходящая московская и петербургская интеллигенция – живут в удушающей мещанской среде, например, Наташа из «Вышел месяц из тумана», Симеонов из «Река Оккервиль». С виду они стремятся к внутренней гармонии, но на самом деле

четко осознают конечность земного пути, роковую неизбежность круговорота бытия. Писательница затрагивает одну из вечных проблем, волнующих человечество: понимание предначертанности судьбы и собственного бессилия изменить что-либо. Сами герои (Симеонов «Река Оккервиль», Александра Эрнестовна «Милая Шура») ясно осознают это, но ничего не могут поделать, кроме как рефлексировать в условиях разрастающегося социального абсурда и психологической изоляции.

Сама реальность в изображении Т. Толстой неординарна: она наполнена бессмысленной суетой, бесконечными бытовыми проблемами, духовными и физическими страданиями. В этот колдоворот человек попадает с минуты своего появления на свет. В рассказах Т. Толстой, как точно подметили П. Вайль и А. Генис, время идет не вперед, а по кругу, образуя «замкнутую, кольцевую вселенную», «мир механического повторения»[1, с. 148].

Анализируя образ круга в произведениях Толстой, Т.П. Швец выявляет мотивную структуру рассказов «Охота на мамонта», «Факир», «Круг», «Спи спокойно, сынок», делая вывод, что круг приобретает у Татьяны Толстой значение судьбы, которая давит над человеком. Действительно, в сюжетно-композиционной структуре произведений Толстой мотив круга важен, и реализуется он, как правило, в бесконечных попытках возвращения героя к точке отсчета. Круг у писательницы – это миф героя, его пространство-время, предельно концентрированное, по словам Толстой, «как темный студень».

Восприятие времени у Толстой имеет основные характеристики мифологического времени – оно скорее созерцательно и безразлично к дифференциации на прошлое-настоящее-будущее. Любое событие в рассказах Толстой живет одновременно и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Прошлое и будущее здесь может быть сконцентрировано в настоящем («Петерс»). Настоящее и будущее идентичны прошлому («На золотом крыльце сидели»).

Оперируя основными категориями постмодернизма, такими как символ, интерпретация, включение авторского голоса в текст или слияние его с голосами своих персонажей. М. Золотоносов, отмечая оригинальность литературной игры Толстой, утверждает, что суть ее в «необычайном сочетании безжалостности, пугающего всеведения о герое» со злой наблюдательностью спокойно-ледяного психологизма [3, с. 60]. Т.Толстая создает картины человеческого бытия, где персонажи приходят в итоге к осознанию пустоты, тщетности потраченных усилий и бессмысленности пройденного пути. Часто драма скрывается под маской благополучия, в самой сути социальности, в символах языка, культуры, в самой человеческой психике.

Очевидно, что для Т.Толстой, родившейся в Ленинграде, чрезвычайно важна антиномия «Петербург – Москва», существующая не только на художественном, но и на социально-психологическом, этнографическом и философском уровнях. К петербургским рассказам относятся «Река Оккервиль», «На золотом крыльце сидели», «Вышел месяц из тумана», «Соня», «Петерс», «Любишь не любишь», «Свидание с птицей». Они о «детском» взгляде на мир, полный чудес, прекрасный и страшный, в котором всегда мечты расходятся с действительностью. Детство у Татьяны Толстой – это также духовная связь с природой, с Богом. В рассказе «На золотом крыльце сидели» описание чудесного сада, в котором царят гармония и блаженство, ассоциируется с ощущением детства, а страдания предстают как нечто чуждое, временное и противоестественное в виде порченных кошкой Мемекой воробьев. «Жизнь вечна. Умирают только птицы»[5. с. 32]- делает вывод девочка, от лица которой ведется рассказ. Но в «райском саду» наступила осень – она «вошла к дяде Паше и ударила его по лицу» [5. с. 40]. Девочка с удивлением обнаруживает, что все волшебные богатства в доме дяди Паши превратились в «ветошь и рухлядь. Знание об «осени» и «зиме» жизни приносит в душу подросткового ребенка ужас смерти.

Рассказ «На золотом крыльце сидели» производит сильное впечатление своей безысходностью и горечью о потере «дрожащего живого огонечка» –

детства. Жизнь человека предстает как нечто мимолетное, призрачное, которое уносится «сквозь снежную крупу в черную высь». И все же центральный символический образ в рассказе – это Часы из таинственной комнаты в доме дяди Паши. Над циферблатом часов в кукольной стеклянной комнатке за столом сидят Золотая Дама, кубком отстукивающая ход времени, и Золотой Кавалер. Заключенные в стеклянной комнатке хозяин и хозяйка времени, в отличие от живых хозяев дома, обретают бессмертие.

Тема детства продолжается и в рассказе «Вышел месяц из тумана», который объединяется с циклом детских рассказов еще и тем, что заглавие, как и в рассказе «На золотом крыльце сидели», представляет собой интертекст детской считалки. Скользящей тенью приходят к главной героине Наташе, одинокой училке, грезы о том «рассыпавшемся мире, на зеленых лужайках которого они играли в счастливейшие игры...»[4, с. 128].

Чувство собственной неполноценности у Наташи происходит от неразрешимости противоречия между серым существованием в петербургской коммуналке и ее детскими волшебными воспоминаниями о прежней красивой жизни. Заканчивается рассказ сценой, когда героиня стоит возле окна и вслушивается, но «ничего не было слышно, кроме гула идущей жизни» [4.с.142], чужой жизни.

К «петербургскому разделу» относятся также рассказ «Свидание с птицей», в котором опять-таки различается одна из главных тематических линий Толстой – столкновение детской мечты и реальности. Причем на всем протяжении повествования происходит причудливое слияние голоса автора и главного персонажа. Необыкновенное в этом рассказе – девушка с соседней дачи Тамилла, которая знает «лекарство от всех зол и страданий». Она рассказывает Пете о разных чудесах, о птице Феникс, Сирин и Алконост, говорит, что видела гибель Атлантиды. Петя с его детским воображением полностью погружен в мир фантасмагории, тем более, что Тамилла дарит ему яйцо птицы Алконост, приносящее его владельцу тоску по несбыточному. Мальчику мерещится, что птица Сирин задушила дедушку. Он бежит к Тамилле за спасением, но вместо помощи, мальчик получает первый урок

правды о взрослом мире. Соприкосновение чистой души ребенка с цинизмом обременяет ее тягостным познанием. Детская душа прозревает – ложь и правда так же связаны, как жизнь и смерть, день и ночь, начало и конец, и снова Толстая возвращает читателя к символике круга, бесконечного коловорота жизни.

Продолжает тему Петербурга рассказ «Река Оккервиль». Главный герой – немолодой холостяк Симеонов, по мнению А. Жолковского, «являет типовой образ «маленького человека» русской литературы, нарочито сшитого из пушкинского Евгения, которого река разлучает с Парашей; гоголевского Пискарева, фантазии которого разбиваются бордельной прозой жизни понравившейся ему красотки; и беспомощного мечтателя из «Белых ночей» Достоевского» [2.Электронный ресурс. <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/siren.htm>]. Симеонов напоминает Башмачкина из гоголевской «Шинели». После того, как юношеские мечты этого взрослого «ребенка» развеиваются в прах, он понимает, что прошлое ворошить нельзя. Это чревато потерей веры в юношеские идеалы.

Не случаен в рассказе образ реки – коварной стихии, временами выходящей из берегов, бушующей и затопляющей город. Река также является мифической границей между реальным и потусторонним миром. Она, с одной стороны, напоминание о человеческой слабости и бренности, а, с другой стороны, символ величия Петербурга.

«Вечным ребенком», которому никогда не суждено стать взрослым, представляется Петерс из одноименного рассказа Толстой. Он также родился в городе на Неве. Брошенный родителями, он воспитывался бабушкой, которая подавляла его, и теперь у него ярко выраженные женские черты во внешнем облике, одежде и поведении. В рассказе сильны мотивы старения, умирания, разрушения. Жизнь Петерса скорее напоминает вялую игру в жизнь. И только в конце тягучей, тяжелой, густой, как тоска, жизни, Петерс «просыпается». Пожилой и одинокий, проживший бессмысленную жизнь, он осознает, что любая жизнь, даже чужая, прекрасна. В финале Петерс открывает окно и видит «новых детей». В рассказе показан весь круг человеческой жизни.

Принципом цикличности и вечного поступательного движения Толстая демонстрирует новый виток жизни.

Таким образом, символика детства приобретает в петербургских рассказах Татьяны Толстой глубокий философско-поэтический смысл: это божий дар, утерянный человеком в результате своей слабости, лживости и безволия.

К «московским» рассказам в сборнике «На золотом крыльце сидели» относятся – «Милая Шура», «Факир», «Охота на мамонта», «Спи спокойно, сынок», «Круг», «Огонь и пыль», «Лимпопо».

Рассказ «Милая Шура» построен на контрасте деталей, образов и сюжета. Главная героиня Александра Эрнестовна, «реальная, как мираж», сначала «залитая розовым мартовским светом», в конце рассказа уходит во тьму небытия, «растворяется в горячем полдне» [5,с.54]. В рассказе с самого начала проводится черта между ранним утром, когда происходят события, и девяностолетним «закатным» возрастом главной героини. Глаза ее в молодости наполненные ярким синим светом, в старости – «бесцветные».

С концептом «свет» в рассказе связан целый семантический ряд: утро, улыбка, розы контрастируют с черным одеянием и «мертвыми фруктами» на шляпе героини. Контрастен и сам облик Александры Эрнестовны: ее дряхлость в сочетании с фотографиями ее прекрасной юности. Героиня не смогла осуществить романтическую мечту своей жизни, так как меркантильность победила ее духовные светлые порывы.

Т.Толстая, изображая «маленького человека», обращается к таким философским проблемам бытия, как фатальность судьбы, драматизм жизни и смерти. В каждом рассказе описывается жизненный путь героя от рождения до кончины, его внутренняя борьба, проходящая через сознание и подсознание, его эволюция или деградация. Часто Толстая, демонстрируя неиссякаемую прелесть и ценность «ужасно глупой» жизни, использует иронический подтекст как форму авторской оценки. Но в позиции повествователя все же над абсурдом мироздания преобладают понимание и вера в нетленные ценности: любовь и милосердие.

Читать рассказы Татьяны Толстой довольно сложно. Они выходят за рамки устоявшихся форм, порой начисто отрицая привычные причинно-следственные связи. Банальные картины мира как бы выворачиваются изнутри и встают перед читателями, показывая суетность представлений о мире, доказывая хрупкость попыток мыслить обычными стереотипами. Поэтому исследование произведений Толстой очень актуально именно сейчас, когда стремительно меняющийся мир заставляет нас учиться по-новому мыслить и чувствовать.

Список литературы

1. Вайль, П., Генис, А. Городок в табакерке: Проза Т. Толстой // Звезда. 1990. № 8.
2. Жолковский А.К. В минус первом и в минус втором зеркале. Татьяна Толстая, Виктор Ерофеев – ахматовиана и архетипы Электронный ресурс. <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/siren.htm>
3. Золотоносов М. Мечты и фантомы //Литературное обозрение.1987. № 4.
4. Толстая Т.Н. День: личное / Т.Н. Толстая. – М.: Эксмо, 2003.
5. Толстая Т.Н. Ночь: рассказы / Т.Н. Толстая. М.: Подкова, 2002.